

Ю.В. Латов

ТЕХНИКА И ИНСТИТУТЫ КАК ФАКТОРЫ ВОЕННЫХ РЕВОЛЮЦИЙ. Размышления над новой книгой С.А. Нефедова

Когда несколько месяцев назад на книжной ярмарке автор данной рецензии увидел «В погоне за мощью» Уильяма Мак-Нила¹ и «Войну и общество» Сергея Александровича Нефедова*, то сначала посчитал их своего рода двухтомником. Действительно, обе эти книги вышли в свет одновременно, изданы в обложках одинакового багрового цвета, а автор одной из них (тот самый С.А. Нефедов) — научный редактор другой. Наверное, решил будущий рецензент, в ходе долгой (как это обычно бывает в наших издательствах) редакторской работы у редактора появилось много собственных мыслей «по поводу», которые оказалось уместно изложить в виде не послесловия, а самостоятельной книги.

Однако при чтении обеих книг выяснилось, что их взаимосвязь не так уж проста. Прежде всего, книга С.А. Нефедова выглядит заметно (раза в полтора) более толстой, чем перевод книги Мак-Нила. Самое главное, ее тематика лишь частично пересекается с тематикой книги американского историка. Об этом красноречиво свидетельствуют подзаголовки этих монографий: предмет книги У. Мак-Нила — «Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках», в то время как новая монография С.А. Нефедова называется «Факторный анализ исторического процесса. История Востока»². Действительно, С.А. Нефедов в некоторых аспектах уточняет и дополняет У. Мак-Нила, однако его книга основана на существенно иной парадигме.

Обе эти книги относятся к относительно редкому классу монографий, которые посвящены не локальной истории конкретной

* Нефедов С.А. [Война и общество] Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 752 с. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

страны или конкретной эпохи, а глобальной истории в целом. Число подобных книг и авторов, пишущих с подобным размахом, очень невелико. Даже такие корифеи социально-экономической истории, как К. Поланьи, Ф. Бродель или И. Валлерстайн, предлагая научному сообществу новый взгляд на мировую историю, прилагали его сначала к какому-то локальному историческому сюжету. Пожалуй, относительно близкие аналогии — это «Постижение истории» А. Тойнби или «Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах» В.П. Илюшечкина.

Впрочем, в постсоветской российской историографии, благодаря ее марксистским корням, такие претензии на глобальные обобщения встречаются чаще, чем за рубежом.

В зарубежной исторической науке «большие теории» давно находятся под сомнением как жанр, поскольку рассматриваются как претензия на универсальное знание, от которой рукой подать до «дороги к рабству». Однако до нашей страны эта тенденция к дроблению «большой истории» на локальные сюжеты докатилась с опозданием и не стала вполне доминирующей.

С одной стороны, продолжение в 1990–2000-е гг. научной деятельности крупных историков-теоретиков советской эпохи (таких как, например, Л.С. Васильев или Ю.И. Семенов) сохраняет остаточное влияние «больших дискуссий» времен СССР, даже если излагаемые этими теоретиками концепции полемичны по отношению к ортодоксальному марксизму. С другой стороны, в России быстро нашли отклик (хотя бы на научно-популярном уровне, как в «Периферийной империи» Б.Ю. Кагарлицкого³) новейшие зарубежные концепции исторической глобалистики (прежде всего, мир-системного анализа). Поэтому современные труды российских историков, серьезно занимающихся общей теорией исторического развития, часто представляют своеобразный пост-марксизм — соединение нового понятийного аппарата с вполне марксистскими подходами к трактовке взаимовлияния «производительных сил и производственных отношений». Ничего плохого в этом нет — крах советского официального марксизма далеко не тождественен краху марксизма как неформальной научной традиции.

Основная идея новой монографии С.А. Нефедова четко выражена в названии заключительного раздела его книги — «Исторический процесс в контексте трехфакторной модели». По мнению

автора, основные движущие силы истории можно свести к трем факторам — демографическому, технологическому и фактору внешних влияний. Строго говоря, конечно, из этого списка факторов следовало бы исключить внешние влияния, которые переносят технологические инновации, но не создают их⁴. В таком случае мы, по существу, имеем дело с модернизированным вариантом старого доброго марксизма — пусть даже сам автор апеллирует к Томасу Мальтусу (основоположнику теории демографических циклов) и Майклу Робертсу (автору теории военных революций).

В канонической марксистской теории под производительными силами (как главной движущей силой общественного развития) понимался человек и средства производства. Впрочем, про самого человека марксисты-ортодоксы как-то забывали, а средства производства сводили к технологиям мирного производства (мотыга—плуг—мельница—паровая машина—электричество...).

В новой книге С.А. Нефедова в экономической истории появляется человек — правда, только как участник мальтузианских демографических циклов. Речь идет о типичных для доиндустриальных обществ демографических «приливах и отливах», из-за которых численность населения то постепенно росла, то резко сокращалась во время опустошительных эпидемий, голодовок и войн.

Что же касается средств производства, то С.А. Нефедов предлагает обратить внимание на то производство, которое ортодоксальные марксисты обычно не замечали, — на военное производство. Конечно, война сама по себе ничего не производит. Однако, перефразируя известного марксиста-ортодокса, любой социально-экономический строй лишь тогда чего-либо стоит, когда он умеет защищаться и наступать. Преимущества новой экономической системы будут устойчивы и необратимы только тогда, когда она продемонстрирует старым системам преимущества в уровне не только жизни, но и военной мощи. Если прогресс в мирном производстве историки осмысляли при помощи понятий «неолитическая революция», «промышленная революция» и т.д., то, по аналогии, в военно-производственной сфере тоже выделяют свои революции — военные революции, как их предложил называть М. Робертс (изобретение стремени, создание легкой полевой артиллерии и т.д.).

В результате синтеза демографически-структурной теории с теорией военных революций у С.А. Нефедова получилась оригинальная модель развития доиндустриальных обществ в целом и стран Востока в частности⁵. Она интересна тем, что предлагает интересное сочетание принципов цикличности и прогресса.

Как известно, в ходе десятилетиями шедших дискуссий об азиатском способе производства советские историки постоянно ломали голову над вопросом, в какой степени 5-тысячелетний опыт развития великих цивилизаций Востока демонстрирует социально-экономический прогресс. Трудность интерпретации истории доколониального Востока в привычных категориях «рабство–феодализм–капитализм» привела к доминированию точки зрения, что прогресс был (если был) скорее культурно-цивилизационным, чем формационным.

Сергей Александрович Нефедов предлагает вообще выйти за пределы традиционной антитезы «формации — цивилизации». Критерием прогресса у него становится военная техника. Действительно, преимущества средневековой тяжелой кавалерии над античными боевыми колесницами, а огнестрельного оружия нового времени над средневековым холодным оружием настолько очевидны, что не требуют доказательств. Итак, наконец-то обнаружен элемент производительных сил, по которому четко виден прогресс в развитии не только западных, но и восточных обществ!

Что же касается застойной цикличности, то эти циклы прослеживаются не только по чередованию фаз политической централизации и раздробленности, но и по волнообразным колебаниям численности населения. С.А. Нефедов — едва ли не единственный российский клиометрик, который занимается количественным анализом развития докапиталистических обществ Востока. Рецензент может честно признаться, что следит за работами Сергея Александровича по исторической демографии, выложенными на его сервере⁶, с чувством белой зависти. Еще 20 лет назад автору данной рецензии в руки почти случайно попала своеобразная сводка китайской древней и средневековой статистики — с данными регулярных переписей о налоговых сборах, численности податного населения, площади обрабатываемой земли и т.д. с разбивкой по регионам⁷. Было удивительно, что такой богатый историко-статистический материал пропадает втуне. Сергей Не-

Федов, судя по его работам, давно собирает подобную статистику (и не только по Китаю). Так что даже те историки-экономисты, которые не разделяют концепции С.А. Нефедова, просто обязаны иметь на рабочем столе его новую книгу как своеобразный справочник по исторической статистике.

Итак, формула развития Востока, по С.А. Нефедову, выглядит так: восточные общества относительно синхронно с западными (благодаря диффузии) совершенствовались в военной технике, но их демографический ресурс циклически колебался, в целом принципиально не изменяясь. Что же касается извечной дискуссии о соотношении государственного и частнособственнического способов производства, то они трактуются как разные фазы эволюции восточных обществ, сменяющие друг друга, как день и ночь.

Для лучшего понимания предложенного С.А. Нефедовым подхода к выделению основных этапов эволюции докапиталистических обществ читатель может взглянуть на составленную рецензентом таблицу (табл. 1) этапов эволюции китайской цивилизации от легендарной династии Шан (с XVIII в. до н.э.) до маньчжурской династии Цин (до начала XX в.)⁸. Согласно этой таблице, за более чем три тысячелетия Китай прошел «по дороге прогресса» путь от боевых колесниц до огнестрельного оружия, а также 14 демографических циклов, каждый из которых начинался ростом и завершался сжатием (кризисом).

Конечно, та терминология, которая используется автором «Войны и общества», далеко не у всех вызовет одобрение. Как видно из таблицы, С.А. Нефедов выделяет четыре типа общественных структур. Проще всего понять, что такое «этагистская монархия» — это классический тип азиатского способа производства, когда централизованное государство стремится контролировать все основные социально-экономические процессы. Однако не так просто понять различия между частнособственнической и феодальной монархиями — в обоих случаях речь идет об обществах с сильным развитием частной собственности. Как особый тип выделена «ксенократическая сословная монархия», в которой пришлые завоеватели эксплуатируют покоренное население. Пожалуй, С.А. Нефедову придется столкнуться с упреками в том, что он смешивает разные принципы типологизации.

Таблица 1

**Этапы истории Китая,
согласно концепции С.А. Нефедова**

Эпохи господства различных военных технологий	Демографические циклы*	Эволюция социально-политического строя
Эпоха боевых колесниц	1-й: XVIII–V вв. до н.э. (Шан, Чжоу, Сражающиеся Царства)	Феодальная монархия → этатистская монархия
Эпоха освоения железного оружия и кавалерийской революции	2-й: V–III вв. до н.э. (Сражающиеся Царства, Цинь)	Этатистская монархия → феодальная монархия
Эпоха конных лучников	3-й: II в. до н.э.–I в. н.э. (Старшая Хань)	Феодальная монархия → этатистская монархия → частнособственническая монархия → этатистская монархия
	4-й: I–III вв. (Младшая Хань)	Этатистская монархия → частнособственническая монархия → этатистская монархия
	5-й: III–V вв.	Этатистская монархия → ксенократическая сословная монархия (хунны, сяньби)
Эпоха тяжелой кавалерии	6-й: V вв. (Вэй)	Ксенократическая сословная монархия (сяньби) → этатистская монархия → ксенократическая сословная монархия (сяньби)
	7-й: VI в. (Суй)	Ксенократическая сословная монархия (сяньби) → этатистская монархия
	8-й: VII–VIII вв. (Тан)	Этатистская монархия → феодальная монархия
	9-й: VIII–X вв. (Тан)	Феодальная монархия
	10-й: XI–XII вв. (Сун)	Феодальная монархия → частнособственническая монархия → ксенократическая сословная монархия (чжуржени)

Окончание табл. 1

Эпохи господства различных военных технологий	Демографические циклы*	Эволюция социально-политического строя
	11-й: XII–XIII вв. (Цзинь)	Ксенократическая сословная монархия (чжуржени) → этатистская монархия → ксенократическая сословная монархия (монголы)
Эпоха монгольского лука	12-й: XIII–XIV вв. (Юань)	Ксенократическая сословная монархия (монголы) → феодальная монархия → этатистская монархия
Эпоха пороховой революции	13-й: XIV–XVI вв. (Мин)	Этатистская монархия → феодальная монархия
	14-й: XVI–XIX вв. (Цин)	Феодальная монархия

* В скобках указаны эпохи традиционной династийной периодизации истории Китая.

Построено по: Нефедов С.А. [Война и общество] Факторный анализ исторического процесса. История Востока... С. 746.

Книга С.А. Нефедова содержит огромное количество конкретно-исторической информации, в которой читатель рискует захлебнуться. Однако автор хорошо структурировал свою монографию, обозначив в названиях глав основные вехи военной истории Востока. Благодаря им легче понять предлагаемую автором модель этапов прогрессивного технологического развития восточных (и вообще докапиталистических) обществ — развития через цепочку военных революций. Понять и высказать по этому поводу некоторые существенные критические замечания.

Прежде чем критиковать предложенную С.А. Нефедовым периодизацию прогрессивных «военных формаций» (назовем их так), изложим ее основное содержание в виде таблицы, где указаны выделенные им 11 эпох господства различных военных технологий (табл. 2).

Рецензент не считает себя специалистом по военной истории и потому не намерен обсуждать чисто «оружейные» тонкости. Как экономист-институционалист, он считает нужным обратить внимание лишь на один, но очень важный проблемный воп-

рос — на необходимость учета не только чисто технических, но и институциональных инноваций.

Таблица 2

Основные «военные формации»

Эпохи господства различных военных технологий	Начало эпох
1. Эпоха пеших лучников	С XXIV в. до н.э.
2. Эпоха боевых колесниц	С XVIII в. до н.э.
3. Эпоха железной революции*	С VIII в. до н.э.
4. Кавалерийская революция	С VIII в. до н.э.
5. Эпоха тяжелой пехоты	С VI в. до н.э.
6. Эпоха конных лучников	С III в. до н.э.
7. Эпоха халифата	С VII в.
8. Рождение тяжелой кавалерии	С V в.
9. Эпоха сабли	С X в.
10. Эпоха монгольского лука	С XII в.
11. Пороховая революция**	С XIV в.

* С.А. Нефедов назвал соответствующую главу «Начало железного века».

** С.А. Нефедов назвал соответствующую главу «Эпоха “пороховых империй”».

Историки-экономисты (вспомним хотя бы Д. Норта) давно отмечают, что изменение «правил игры» имеет не меньшее, а скорее большее значение, чем изменение орудий и предметов труда. В частности, если раньше при анализе генезиса капитализма обращали основное внимание на изобретение механической прялки и паровой машины, то теперь — на изобретение законов, защищающих интеллектуальную собственность изобретателей. Действительно, в средневековой Европе гениальных изобретателей (типа Роджера Бэкона или Леонардо да Винчи) вряд ли водилось меньше, чем в Европе нового времени. Однако от средневековых гениев технической мысли оставались лишь зашифрованные манускрипты, в то время как в XVIII в. каждый изобретатель Англии или Америки стремился быстро взять патент на свое изобретение и немедленно внедрить его в производство, чтобы получить законную прибыль.

Взглянем теперь на предложенный С.А. Нефедовым перечень «военных формаций» с точки зрения анализа соотношения тех-

нических и институциональных инноваций. Если сравнить его теорию с работами других историков, занимающихся синтезом военной и социально-экономической истории, то она покажется несколько бедной. И у Уильяма Мак-Нила, и у Чарльза Тилли⁹ рассматриваются в первую очередь именно институциональные детерминанты военной мощи — военное предпринимательство, регулярная армия, общие масштабы государственного регулирования и т.д. Правда, американские историки анализируют в основном историю Запада, причем главным образом в новое и новейшее время, а С.А. Нефедов обозначил предмет своего анализа как историю доколониального Востока. Но неужели военная история Запада основана на прогрессе и техники, и институтов, а военная история Востока — только на техническом прогрессе?

На самом же деле в типологии «военных формаций» С.А. Нефедова присутствуют и некоторые институциональные моменты. Первый из них буквально бросается в глаза: халифат (лучше было бы говорить об исламе) — это форма религиозной организации и идеологии, которая вплоть до наших дней является очень мощным оружием¹⁰. Второй менее очевиден: тяжелая пехота отличается от обычной не столько особым вооружением, сколько особой дисциплиной, которую трудно скопировать без ряда взаимодополняющих институтов (например, гражданской ответственности). Следует порекомендовать С.А. Нефедову при совершенствовании концепции более последовательно вводить в свою модель «военных формаций» институциональные инновации в военном деле.

Вообще следует отметить, что три фактора, о которых пишет С.А. Нефедов (военная техника, демография и заимствования), фигурируют в его книге как практически независимые друг от друга. В результате при чтении монографии создается впечатление, что синтеза концепций в полной мере пока еще не получилось: история демографических циклов (именно ей уделена большая часть книги) фигурирует сама по себе, а история военных технологий — сама по себе. Если универсальность модели демографических циклов автор определенно доказал, то по поводу универсальности выделенных им «военных формаций» можно задать много каверзных вопросов. (Например, можно ли сравнивать по степени универсальности изобретение монгольского лука и пороховую революцию? Или: почему железная ре-

волюция и кавалерийская революция хронологически сливаются, может быть, это не две разные, а одна революция?)

Впрочем, вряд ли следует критиковать С.А. Нефедова за то, что он пока еще не сделал. Перед нами — заявка на оригинальную научную «большую теорию», реализация которой в полном объеме по плечу лишь большому теоретику (или даже группе теоретиков). Читатели будут с нетерпением ожидать от автора продолжения и углубления его научных изысканий.

Примечания

¹ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 456 с. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

² Интересно, что главный заголовок обложки книги С.А. Нефедова, «Война и общество», не дублируется в выходных данных, указанных в самой книге. Похоже, что книга С.А. Нефедова изначально и называлась «Факторный анализ исторического процесса», а «Войну и общество» вставили на обложку с чисто «завлекательными» целями, чтобы не отпугивать покупателей академическим «Факторным анализом...».

³ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2004.

⁴ Этот фактор можно рассматривать как самостоятельный на уровне отдельной страны или группы стран, но нельзя — на уровне истории человечества в целом.

⁵ Подзаголовок «История Востока» не вполне точен — при изложении военных революций автор постоянно «забегает» на территорию Запада. Восток нужен автору, чтобы протестировать как можно больше крупных регионов — Египет, Ближний Восток, Индия, Китай — на соответствие их развития модели демографических циклов.

⁶ См.: <http://hist1.narod.ru/>.

⁷ Лян Фанчжун. Чжунго лидай хукоу, тяньди, тяньфу, тунцзи. Шанхай, 1980.

⁸ Сам С.А. Нефедов использует для обозначения этапов систему условных сокращений.

⁹ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009 (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

¹⁰ Достаточно указать, что только и исключительно мусульманами со времен средневековых ассасинов до современных «живых бомб» систематически используются бойцы-самоубийцы, готовые добровольно пожертвовать своей жизнью. Аналогичный институт возник только в Японии времен Второй мировой войны.